

HISTORY OF THE EAST
National History
ИСТОРИЯ ВОСТОКА
Отечественная история

Научная статья

Исторические науки

УДК 91(=450)

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-597-610>

**50-летний юбилей покорения Восточного Кавказа
25 августа 1909 года как корпоративная
коммеморация**

Василиса Сергеевна Бешкинская

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
vbeshkinskaya@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3292-9880>

Аннотация. 25 августа 1909 г. в Кавказском наместничестве отмечался день 50-летнего покорения Восточного Кавказа. Из ряда прочих военных коммемораций периода правления Николая II он выделялся отчетливой локализацией в пределах кавказского региона и оригинальностью формы торжеств. Гунибскому юбилею практически не сопутствовали классические для поздней империи формы коммеморации, его центральным событием стало воспроизведение штурма Гуниба в 1859 г. В статье рассматриваются практические формы и риторические идеи, которые сопутствовали локальному памятованию о событиях 50-летней давности. Празднования в Гунибе стали частью активизировавшейся работы Кавказского военного округа по актуализации памяти о Кавказской войне и просвещению войск. Риторическое оформление юбилея строилось вокруг идеи особой идентичности кавказской армии, которая основывалась на памятовании об общем прошлом, межпоколенческой преемственности и единых политических, моральных и культурных устоях кавказских войск, что выделяло их в особую армейскую корпорацию. Все это сопрягалось с позицией наместника И. И. Воронцова-Дашкова, который видел залог успешного развития региона не в русификации, а в сохранении идентичностей местного населения, которое следовало просвещать культурно и экономически под покровительством российских военных и военной администрации. Гунибские торжества воплощали эти идеи практически и символически.

Ключевые слова: покорение Восточного Кавказа, Кавказская война, память о Кавказской войне, Кавказская армия, И. И. Воронцов-Дашков, Гуниб, юбилей 1909 г.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

Благодарности: Статья написана в рамках гранта РФФ № 23-18-00520 «За пределами «колониальности» и национализма: пространства интеграции в Российской империи (XIX — начало XX в.)».

Для цитирования: Бешкинская В. С. 50-летний юбилей покорения Восточного Кавказа 25 августа 1909 года как корпоративная коммеморация. *Ориенталистика*. 2024;7(3):597–610. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-597-610>.

Original article

History studies

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-597-610>

50th Anniversary of the Conquest of the Eastern Caucasus on August 25, 1909 as a Corporate Commemoration

Vasilisa S. Beshkinskaya

*European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia,
vbeshkinskaya@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3292-9880>*

Abstract. The 50th anniversary of the Russian conquest of the Eastern Caucasus stood out from other military commemorations during the reign of Nicholas II. This event was localized within the Caucasus region and had a specific form of celebration. The classic Imperial forms of commemoration almost did not accompany it. The central event was a re-enactment of the assault on Gunib in 1859. This article examines the relationship between the Caucasian governor's position on the development of the region and the practical forms and rhetorical concepts that accompanied the local commemoration of the historic events. The Gunib celebrations were part of the Caucasus Military District's intensified efforts to promote the memory of the Caucasian War and educate the Russian troops. The rhetorical design of the anniversary was based on the idea of the special identity of the Caucasian army; this identity had a foundation in the remembrance of a common past, intergenerational continuity, and the common political, moral, and cultural principles of the Caucasian troops. This set the Caucasian Army apart as a special military corporation. All this was in line with the position of I. I. Vorontsov-Dashkov, who saw the key to successful development of the region not in Russification but in preserving the identities of the local population, which should be culturally and economically educated under the auspices of the Russian Army and military administration. The Gunib celebrations embodied these ideas practically and symbolically.

Keywords: conquest of the Eastern Caucasus, Caucasian War, memory of the Caucasian War, Caucasian Army, I. I. Vorontsov-Dashkov, Gunib, anniversary of 1909

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

Acknowledgements: The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project № 23-18-00520.

For citation: Beshkinskaya V. S. 50th Anniversary of the Conquest of the Eastern Caucasus on August 25, 1909 as a Corporate Commemoration. *Orientalistica*. 2024;7(3):597–610. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-597-610> (in Russian).

Введение

К 1909 г. заметно активизировалась и начала институционально оформляться символическая политика в Российской империи. Именно тогда началась череда общеимперских празднований, пиком которых стало 300-летие Дома Романовых в 1913 г. В начале 1909 г. была создана особая комиссия под председательством генерала от кавалерии барона А. А. Бильдерлинга, которой было поручено подготовить список «событий, имеющих военно-историческое значение, с тем, чтобы из числа их были избраны наиболее знаменательные из жизни государства и в деятельности армии»¹. Из числа перечня подобных событий, были выбраны четыре: Полтавская битва как ключевое празднование года (200 лет), 100-летие присоединения Финляндии, «взятие Гуниба и пленение Шамиля»² (50 лет) и взятие Измаила. В список не вошли, хотя обсуждались, битва при Кунерсдорфе, где русско-австрийские войска разгромили в ходе Семилетней войны прусскую армию (150 лет), сражение с поляками под Смоленском и победа над войсками гетмана Сапеги близ Троицкой Лавры в том же 1609 г. (300 лет). Таким образом, события Смутного времени не актуализировались, при этом само понятие Смуты стало широко употребляемым в общественном и политическом дискурсе в ходе революции 1905–1907 гг. [Новосельский, 2017]. Вскоре из утвержденного списка выпал Измаил, поскольку комиссия ошиблась, рассчитав дату 100-летия от 1809 г. и повторного взятия крепости в войну 1806–1812 гг. Ошибку заметили, и было решено рассчитывать юбилей от 1790 г., когда крепость брали войска под командованием А. В. Суворова.

Три выбранных юбилея сосредотачивались на коммеморации военных побед империи, среди которых Полтава как судьбоносная для первого императора и России битва занимала центральное место. Наименьшее внимание центральные власти планировали уделить празднованию пленения Шамиля на Гунибе в 1859 г. Вопрос организации был передан главнокомандующему войсками Кавказского округа, кавказскому наместнику графу И. И. Воронцову-Дашкову, перед которым была поставлена задача, «чтобы празднование этого юбилея не вызывало каких-либо особых от казны ассигнований»³. Эта цель, а также форма воплощения в корне отличали кавказский юбилей от полтавских и финляндских празднований.

Обсуждение программы на уровне наместничества сразу же трансформировало центральный акцент торжеств: юбилей в документации стал имено-

¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3305. Л. 8.

² Там же.

³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3305. Л. 8об.

ваться «50-летием покорения Восточного Кавказа». Новая формулировка символически увеличивала масштаб события и утверждала 1859 г. как одну из (вместе с «покорением» в 1864 г. Западного Кавказа) завершающих точек Кавказской войны. Планируемое торжество имело локальный характер и организовывалось на месте. Ему практически не сопутствовали классические формы памятования: установка памятников, участие императора или членов императорской фамилии. В итоге кавказский юбилей оказался отличным по форме и содержанию от двух других торжеств, запланированных комиссией.

История коммеморации Кавказской войны со второй половины XIX в. по 1909 г. и хронология гунибских торжеств достаточно подробно описаны А. Н. Максимчиком [Максимчик, 2019]. Тем не менее данная статья расширяет представления о процессах и обстоятельствах, которые повлияли на характер торжеств и их идейное содержание, а также предлагает понимать 50-летнюю годовщину покорения Восточного Кавказа как корпоративный юбилей Кавказской армии, а не как общегосударственную коммеморацию в ряду прочих военных празднований в поздней Российской империи.

Локальный контекст планирования и подготовки юбилея 24–25 августа 1909 г.

Первой публично высказанной инициативой празднования гунибского юбилея было предложение Кавказского военного общества помощи инвалидам от 22 мая [Максимчик, 2019, с. 8–9]. Это общество было создано буквально в мае 1909 г. по инициативе офицеров тифлисского гарнизона⁴. Кроме материальной помощи ветеранам войн оно предполагало организацию культурных программ. Его председателем стал начальник Военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа, историк В. А. Потто, отметивший в 1909 г. 50-летие своей литературной деятельности. Он же стал организатором обновленного Кавказского военно-исторического музея в Тифлисе. Потто был двигателем исторического просвещения в рядах Кавказской армии и высоко ценился руководством наместничества. Воронцов-Дашков характеризовал его деятельность следующим образом: его работы преследуют одну и ту же воспитательную цель — «напоминать юношеству в героических эпизодах о славных подвигах их предков, стяжавших славу и гордость доблестной Кавказской армии, как вернейшее средство поддержания в войсках старых боевых традиций и того высокого нравственного духа, на котором зиждется боевая мощь нашей армии»⁵. Свои труды Потто посвящал преимущественно истории Кавказской войны, утверждая особую идентичность и преемственность многих поколений Кавказской армии. Это было общим явлением в Российской императорской армии того времени: после революции активизировались воспитательные работы и практики корпоративной коммеморации, создавались полковые музеи, писались полковые истории, что явилось «одним из наиболее ярких проявлений нового подхода к внедрению в умы военнослужащих представлений о воинском долге, о корпоративном единстве, о моральных

⁴ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 338. Л. 1.

⁵ Там же. Д. 331. Л. 470.

ценностях «русского солдата» и т. д.» [Лапин, 2019, с. 334]. Таким образом, идея армейской корпоративности, бывшая общим трендом времени, в рядах Кавказской армии активно утверждалась еще до гунибского юбилея.

В июне наместник отправился в путешествие по Кавказу, далее в Петербург и по центральным регионам страны. В отсутствие Воронцова-Дашкова обязанности наместника исполнял его помощник, генерал от инфантерии Н. П. Шатилов. В середине июня он издал приказ № 150 по штабу Кавказского военного округа о подготовке к юбилею. Приказ задавал тональность торжеств, делая упор на самобытность кавказских войск, которые «воздвигнули себе вечный памятник с незабвенной надписью “штурм Гуниба и пленение Шамиля”»⁶. Подчеркнуто проводилась связь с предыдущими поколениями солдат кавказской армии, «нашими отцами и дедами», совершившими подвиг «во имя преданности и любви к Царю и Отечеству»⁷. Тема межпоколенческой преемственности и особой идентификации кавказской армии в последующем стала риторической основой юбилея. Между тем, празднования предполагались не только в Гунибе, а по всему наместничеству. Во второй половине июля по поручению Шатилова В. В. Стратонов, исполняющий обязанности директора канцелярии, в спешном порядке начал переписку с губернаторами по вопросу организации приближающегося юбилея уже на местах⁸.

Путешествие Воронцова-Дашкова также задавало тон грядущей коммеморации. Для каждой своей остановки наместник готовил небольшую речь, обращенную к местным жителям. Их общей темой было утверждение о необходимости сотрудничества общественных сил и властей для экономического, политического и социального преуспевания региона. Обращаясь к «туземцам» в Грозном, наместник назвал чеченцев и кумыков людьми, «променявшими свое славное боевое прошлое на мирный труд», успех которого он планировал обеспечить развитием школ⁹. Лучшее будущее он обещал и «представителям героического населения Дагестана»¹⁰, а горцев в целом именовал «потомками былых героев»¹¹. Иными словами, боевое прошлое народов Кавказа Воронцов-Дашков представлял как предмет почетного памятования. Параллельно этому в июне в наместничестве был проведен анализ настроений местных жителей: «Предстоящий юбилей не вызывает среди населения каких-либо особых толков, тем более, что в истекшие 50 лет сменилось целое поколение, спокойно ныне занимающееся мирным трудом, сознанием благотворных результатов объединения Дагестана под властью культурного народа» [Максимчик, 2019, с. 9]. Тем самым готовилась почва для вовлечения местного населения в предстоящую коммеморацию.

Поездка наместника, начавшаяся 17 июня, завершилась 22 августа, когда он прибыл в Петровск, где его встретил почетный караул от Аварского резерв-

⁶ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 331. Л. 582.

⁷ Там же.

⁸ ЦИАГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 687. Л. 1.

⁹ ОР РГБ. Ф. 58. Карт. 57. Д. 2. Л. 16.

¹⁰ Там же. Л. 15.

¹¹ Там же. Л. 8.

ного батальона и депутация от города. В дороге до Гуниба через Темир-Хан-Шуру, длившейся примерно сутки, 72-летний Воронцов-Дашков принял около десятка депутатий и встретился с тремя окружными начальниками¹². Вечером 23 августа он прибыл в Гуниб, где также принял депутацию от сельчан Гуниба и приветствие почетного караула от 6-го Пластунского батальона. Остановился наместник в доме окружного начальника, бывшем дворце Александра II (император пребывал там в 1871 г.).

Информация о готовящихся торжествах стала появляться в местной прессе буквально накануне. При этом в центральной и даже региональной кавказской до сих пор обсуждались празднования в Полтаве. Раньше прочих, в июле, о юбилее взятия Гуниба написали правые, используя тему как повод для критики наместника. «Остается немногим более полутора месяца до этого славного дня, а у нас что-то ничего не слышно, чем предполагается ознаменовать его. Молчание по этому поводу царит и в местном обществе и в местной печати столь не нарушимое, что его начинает замечать даже столичная пресса» [К предстоящему юбилею, 1909, с. 2], — цитировала недавнюю публикацию Санкт-Петербургской черносотенной «Земщины» «монархическая русская, национальная» газета «Русский с Кавказа». Ситуацию в регионе автор называл «полным крушением власти и закона» и «политическим угаром». Он предполагал, что юбилей готовится «втихомолку», хотя «должен быть отпразднован достойно России». Торжества, по его мысли, должны были оттенить «современное убожество», и стать днем не только торжества, но и покаяния в неверном пути управления Кавказом [К предстоящему юбилею, 1909, с. 2]. Обвинения со стороны черносотенцев, критикующих политику наместника, были ожидаемы, кавказская тематика не сходила со страниц правой прессы весь 1909 г.

Одним из факторов, раздражавших правых, стали смещения Воронцовым-Дашковым прежних администраторов, среди которых после периода руководства Кавказской администрацией Г. С. Голицыным были заметны русские националисты. Их заменили военные чиновники: это улучшало организационные и мобилизационные механизмы в кавказских войсках, что было необходимо в условиях революции. Войска были основной опорой Воронцова-Дашкова, который в своем прошлом также был причастен к Кавказской войне (был адъютантом князя А. И. Барятинского) и мог считать себя членом кавказского армейского сообщества. Ставка наместника на армию проявилась и в активной поддержке военных благотворительных, просветительских и коммеморативных инициатив внутри округа. В итоге юбилей имел выраженный милитаристский локальный характер. Интересно, что официальная военная печать долго не обращалась к теме празднований и прямо называла гунибский юбилей локальным мероприятием. Накануне торжеств ведущая военная газета, издаваемая Военным министерством, «Русский инвалид» писала, что «интерес к чествованию покорения Чечни и Дагестана ограничивается пределами Кавказа» [Кривенко, 1909b, с. 2].

¹² ОР РГБ. Ф. 58. Карт. 57. Д. 3. Л. 42–42об.

Чествование корпорации: смыслы и практики гунибского юбилея

План торжеств 24–25 августа был выработан примерно за месяц до их начала. 1 августа начальник штаба Кавказского военного округа, генерал лейтенант Г. Э. Берхман представил черновую программу юбилея в Главный штаб¹³. Празднования оказались длительными, время движения войск составляло как минимум 10 дней. К 15 августа собранные лагерем в Темир-Хан-Шуре войска (21-я пехотная дивизия с артиллерией, Дагестанский конный и Кизляр-Гребенский полки) должны были выступить подвижным сбором двумя колоннами к Гунибу, где следовало стать на места к 22 числу, 23 августа проводилась рекогносцировка, а 24 войскам следовало начать реконструкцию штурма Гуниба. Заканчивался по плану день торжественной панихидой по погибшим в Кавказскую войну. Также 25 августа на месте «сдачи» Шамиля должен был пройти общий парад с возглашением многолетия императору. Тем самым 50-летие покорения Восточного Кавказа предполагало реконструкцию, что для имперских коммемораций было явлением не частым. Закончить торжества планировалось обедом для всех войск подвижного сбора. Предполагалось, что к участию в гунибской программе, кроме войск, будут приглашены почетные жители Чечни и Дагестана и живые участники Кавказской войны, «мусульмане и русские ветераны», ожидалось присутствие «туземного населения» в числе 500 человек¹⁴.

Итоговое исполнение торжеств соответствовало программе. 23 августа полки были на позициях, соответствующих местоположению 1859 г. «С востока на Гуниб устремились по своим историческим тропам ширванцы, с юга по отвесным карнизам апшеронцы, с запада дагестанцы, с севера — самурцы в горе Растад» [К гунибским торжествам, 1909, с. 1]. О начале маневров 24 августа возвестили выстрелы 21-й артиллерийской бригады с Кегерских высот — стоянки князя Барятинского. В 9 часов утра Воронцов-Дашков со свитой отправился в Верхний Гуниб для наблюдения за маневрами из крепости. Штурм с Кегерских высот начали ширванцы, затем вступили батальоны самурского и дагестанского полков. Далее наместник поднялся на высоту Росатл, продолжая следить за маневрами. «Артиллерийская канонада все усиливалась, ружейная стрельба учащалась и усилилась до последнего предела» [К гунибским торжествам, 1909, с. 1]. Спустя два часа в бой вступили апшеронцы, которые, поднявшись по скалам по веревочным лестницам, охватили аул с южной стороны. Тогда Воронцов-Дашков дал отбой штурму, воспроизведенному «с исторической точностью» [Кавказ, 1909а, с. 1]. Войска построились у высоты Росатл, была отслужена панихида: после возглашения вечной памяти прозвучал троекратный залп, а полковые хоры исполнили молитву «Коль славен наш господь в Сионе» (неофициальный гимн Российской империи рубежа XVIII–XIX вв.). «С последним аккордом этой чудной молитвы все войска во главе с Главнокомандующим преклонили колена и горячо помолились за своих героев предков, чудо-богатырей, павших при штурме Гуниба» [Кавказ, 1909а, с. 1]. По словам корреспондента, во время панихиды присутствовали также

¹³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3305. Л. 56.

¹⁴ Там же. Л. 57.

дагестанцы, собравшиеся в «обширный круг» и совершившие молитву по своим предкам, павшим в Кавказскую войну [*Кавказ*, 1909b, с. 1].

Далее Воронцов-Дашков объехал войска, после чего состоялся полевой походный завтрак. К трем часам дня наместник вернулся в дом окружного начальника, а с пяти часов принимал депутации. Пресса писала о том, что в числе присутствующих были ветераны войны, а также аварец Нажмудтин Гокикинский, сын бывшего наиба Шамиля, который «высказал сознание великого блага присоединения к России» [*Голос Кавказа*, 1909, с. 1]. Его слова были растиражированы Петербургским телеграфным агентством: «Народы Дагестана в единении с русским народом и понимании общности государственных интересов возносят горячие молитвы о ниспослании долголетия Венценосному Хозяину Земли Русской. Дагестан хотя поздний член русской семьи и не менее других покорен, но предан Короне и по первому призыву готов жертвовать всем в защиту дорогого Отечества» [*Голос Кавказа*, 1909, с. 1]. В 8 часов вечера в доме окружного начальника состоялся обед, на котором, кроме наместника, присутствовали высшее начальство, командиры войсковых частей, чины областной администрации и свита наместника.

Юбилейный день 25 августа начался с парада выше березовой рощи, где Бярятинский принимал сдачу Шамиля. Принимал парад Воронцов-Дашков. После совершили торжественное молебствие с возгласением многолетия государю императору и орудийным салютом. Полки взяли «на караул» и наместник провозгласил «ура» во славу императора, «которое было подхвачено войсками и народом и, сопровождаемое торжественными звуками народного гимна «Боже, Царя храни», разнеслось по террасам, усеянным громадными массами дагестанцев» [*Кавказ*, 1909b, с. 1]. Далее последовало «ура» в честь кавказского наместника и главнокомандующего Воронцова-Дашкова. Парад завершился церемониальным маршем, после чего наместник побывал на биваках войск, где «пробовал пищу нижних чинов» [*Кавказ*, 1909b, с. 1]. Следом был организован офицерский обед, в котором приняли участие «туземцы» привилегированных сословий, а прочие местные жители принимали угощение от администрации, находясь на ближайших террасах. Воронцов-Дашков провозгласил несколько тостов: за здоровье императора, за доблестные войска кавказской армии, за трудящееся население Дагестана, «здравица, же провозглашенная генералом-лейтенантом Ясенским за Главнокомандующего генерал-адъютанта графа И. И. Воронцова-Дашкова, вызвала долго несмолкающее громовое «ура»» [*Кавказ*, 1909b, с. 1]. Когда в 4 часа наместник отбыл, «народные толпы не расходились. Звуки зурны еще долго оглашали окрестности Гуниба» [*Кавказ*, 1909b, с. 1]. Утром 26 августа Воронцов-Дашков со свитой отбыл в Петровск.

Как было сказано выше, гунибский юбилей не удостоился присутствия почетных гостей из имперского ядра. Центральную роль в нем играл сам Воронцов-Дашков, репрезентованный в праздновании, прежде всего, как главнокомандующий Кавказской армией, а не кавказский наместник. Его обращения к войскам, народу и императору были смыслообразующими для юбилея. В своем приказе по Кавказскому военному округу от 25 августа Воронцов-Дашков сосредотачивался на восхвалении Кавказской армии как

отдельной и самобытной корпорации, сложившейся в ходе «беспримерной в истории» войны. Ее опыт выделял кавказские войска в особое сообщество, равных которому не было: такую войну «не могло покончить одно поколение и преемственно сдавало ее поколениям последующим; отсюда и развились те особенности старого кавказского солдата, в беспредельном мужестве и святости исполнения долга не имевшего себе равного в свете» [*Приказ по кавказскому военному округу. 25-го августа 1909 г.* — Укр. Гуниб, 1909, с. 1]. При этом та духовная мощь, которая определяла характер солдат Кавказской армии во время войны, сохранилась и поныне: «За минувшие 50 лет в рядах Кавказских войск менялись люди, менялись формы, строи и оружие, но несокрушимыми остались в них внутренние устои духа, славные предания и боевые традиции старой Кавказской армии» [*Приказ по кавказскому военному округу. 25-го августа 1909 г.* — Укр. Гуниб, 1909, с. 1–2].

В телеграмме к императору главнокомандующий обратился от лица всех присутствующих в Гунибе, при этом с акцентом на том, что все они повергают перед ним «чувства беспредельной любви и той беззаветной преданности, с которыми служили их отцы и деды в доблестных рядах славной Кавказской армии, и которые они завещали своим сынам и внукам»¹⁵. Николай II, в свою очередь, ответил обращением только к войскам, выражая уверенность в том, что «в них будут вечно живы и мощный дух, и воинская доблесть беспримерных дедов и отцов»¹⁶.

Отчетливый акцент на корпоративности торжества, а не на его общеимперском характере делался и за пределами Кавказа. Генерал-адъютант, историк и председатель Императорского Русского военно-исторического общества Д. А. Скалон обратился с поздравлениями от совета общества и вовсе напрямую к Кавказской армии, а не к Воронцову-Дашкову: «Да сохранится навеки прославленный победами воинский дух Кавказской армии и как встарь да пребудет она непрестанно и непреклонно ревнителем славы своих Государей, русской армии и русского народа»¹⁷. При этом характерно, что военно-историческое общество, столь активно участвовавшее в подготовке полтавского юбилея, не было привлечено к организации гунибского или каких-либо коммеморативных мероприятий в столице: организация торжеств целиком опиралась на силы Кавказского военного округа.

Риторическое оформление торжеств очевидно выносило на первый план Кавказскую армию и ее особую корпоративную идентичность. Кавказские войска, объединенные уникальным общим прошлым, выделялись из российской армии как отдельный институт. Эти представления основывались на памяти об общем прошлом и межпоколенческой (профессиональной и локальной, но не кровной) преемственности членов сообщества, чьи духовные, моральные и политические устои определяли их единство.

С подобным идейным содержанием празднования согласовывалась и его форма. Воспроизведенный штурм работал двояко: с одной стороны, обеспечивал

¹⁵ ОР РГБ. Ф. 58. Карт. 57. Д. 3. Л. 38.

¹⁶ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 331. Л. 652.

¹⁷ АВИМАИВиВС. Ф. 11. Оп. 1. Д. 4. Л. 87.

на редкость высокую вовлеченность войск в коммеморацию, с другой — производил впечатление на местных жителей, а также посредством прессы и на все население наместничества. На Гунибе присутствовали представители и депутаты 22 войсковых частей¹⁸. Не последнюю символическую роль играл и проход войск путем из лагеря от Темир-Хан-Шуры к Гунибу: с учетом сборов примерно на протяжении полумесяца военные силы наместничества пребывали в редком для мирного времени движении. В практическом смысле юбилей репрезентовал армию как ключевой институт Кавказского наместничества.

Между тем, в торжества вовлекали и местных жителей — потомков бывших противников Кавказской армии. Как было сказано выше, Воронцов-Дашков уделял контакту с населением наместничества большое внимание: путешествие 1909 г. не было единственным, свою службу в 1905 г. он начал именно с объезда территории наместничества. Обращаясь в юбилей к горцам на Гунибе, главнокомандующий подчеркнул, что мусульманские общества Чечни и Дагестана «своей преданностью заслужили полное к себе доверие нашего могущественного Царя», и что последний уверен в том, что они продолжают служить ему «честно и преданно, как служили уже в минувшие 50 лет»¹⁹. Образ верных подданных при этом сопрягался с образом бывших достойных противников.

Исторический нарратив Кавказской войны строился на возвышении Шамиля и горцев как сильных соперников, что, среди прочего, оправдывало длительность самой войны. Авторы специально изданной к юбилею литературы не скупилась на похвалы. Ставропольский историк Г. Н. Прозрителев писал, что в лице Шамиля Россия имела «гениального противника, сумевшего так долго противостоять всем натискам громадной армии и создать при самых тяжелых условиях и отсутствии средств великую оборону гор, и пылкого свободолюбивого населения» [Прозрителев, 1909, с. 1]. Характерно был представлен образ Шамиля и в обновленном военно-историческом музее Тифлиса. Сопроводительный текст к портрету о Шамиле был полон самых лестных характеристик. Это был наиболее героический образ, транслировавшийся в экспозиции: «Соединяя в себе редкие качества воина и администратора, он создал в горах целое религиозно-политическое государство, устроил правильную администрацию, организовал военные силы, завел артиллерию, обложил подвластное ему население правильными налогами, и 25 лет боролся с могущественной Российской империей, обращая на себя внимание целой Европы» [*Краткий путеводитель по кавказскому военно-историческому музею*, 1911, с. 88].

Теперь же достойные соперники в Кавказской войне становились достойными подданными российского императора или — как минимум — должны были представляться таковыми. Для символической демонстрации единения их пригласили не только наблюдать за празднованием и выходить депутациями к наместнику. Во время самого празднования 25 августа предполагалось два обеда, для нижних (примерно на 6500 человек)

¹⁸ ОР РГБ. Ф. 58. Карт. 57. Д. 3. Л. 52–53об.

¹⁹ Там же. Л. 46.

и офицерских (до 350 человек) чинов. На первый были приглашены «туземцы» непривилегированного сословия, они были рассажены «кружками» среди войск. Привилегированного — обедали с офицерами, главнокомандующим, свитой и наличными чинами областей администрации²⁰. Тем самым было проявлено уважение к бывшим врагам, а теперь соратникам, с которыми следовало совместно работать на благо края. Схожим образом эти отношения трактовал и автор «Русского инвалида»: «Теперь нет места для вражды, наступил период взаимной, общей работы» [Кривенко, 1909а, с. 3].

При этом вопрос о какой-либо инкорпорации мусульман, освобожденных от призыва в армию, не стоял: в политическом воображении руководства наместничества они оставались туземцами, чье развитие и благосостояние обеспечивалось их верным служением империи в рамках самобытного религиозного и экономического уклада. Кавказская армия со своим главнокомандующим занимала по отношению к ним покровительствующую роль, а местная власть вообще определялась ключевым инструментом имперского строительства — армией. Российская императорская армия, ставшая после Великих реформ во многом институтом национализации, на Кавказе продолжала олицетворять не русификацию, а военную экспансию и обеспечение целостности имперской территории.

Заключение

Представленный в Петербурге как «день взятия Гуниба и пленения Шамиля» юбилей в ходе локальной подготовки превратился в корпоративную коммеморацию ключевой победы Кавказской армии — «покорения Восточного Кавказа» в 1859 г. Центральным акцентом юбилея стала демонстрация военной силы и уникального единства Кавказской армии, обеспечивающей покровительство над бывшими соперниками, а ныне соратниками в деле развития многонациональной империи — местным населением Северного Кавказа.

Военный характер управления и репрезентации власти на Кавказе при Воронцове-Дашкове определялся как символическими, так и практическими соображениями. Закончившаяся полвека назад Кавказская война обеспечивала единение членов армейского сообщества вокруг памяти о ней, а также вокруг идеи межпоколенческой преемственности и корпоративной самобытности войск Кавказского военного округа. Акцент на армии подчеркивал могущество империи и русского начала на Кавказе, которое здесь имело колониальный и покровительствующий местным народам характер без идеи русификаторской политики. При этом в условиях недавних поражений Российской императорской армии Кавказская армия с ее историей побед символически выделялась.

И для центральных, и для местных властей юбилей 25 августа 1909 г. превратился в чествование заслуг региональной военной корпорации, что стало самым масштабным примером демонстрации локальной и профессиональной идентичности в символической политике поздней империи. Распространять символические успехи на реальную политику довольно сложно. Однако стоит помнить, что через несколько лет именно кавказские силы Российской импе-

²⁰ ОР РГБ. Ф. 58. Карт. 57. Д. 3. Л. 43.

раторской армии обеспечат единственный успешный фронт империи в Первой мировой войне, а добровольцы из числа кавказских мусульман сформируют рядовой состав знаменитой Дикой дивизии.

Список сокращений / Abbreviations

- АВИМАИВиВС — Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (СПб.) [AVIMAIViVS — Archive of the Military Historical Museum of Artillery, Engineering Troops and Signal Corps (Saint Petersburg)].
- ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки [OR RGB — Department of Manuscripts of the Russian State Library].
- РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (Москва) [RGVIA — Russian State Military Historical Archive (Moscow)].
- ЦИАГ — Центральный исторический архив Грузии (Тбилиси) [TSIAG — Central Historical Archive of Georgia (Tbilisi)].

Список литературы / References

1. *Всеподданнейший отчет за пятилетие управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова*. СПб.: Государственная Типография, 1910 [The Most Subordinate Report for the Five Years of Governance of the Caucasus by Adjutant General Count Vorontsov-Dashkov. St. Petersburg: State Printing House, 1910 (in Russian)].
2. *Голос Кавказа*. № 896. 28 августа 1909 г. С. 1. [Voice of the Caucasus. No. 194. August 28. 1909, p. 1 (in Russian)].
3. К гунибским торжествам. *Тифлисский листок*. № 193. 27 августа 1909 г. С. 1. [To the Gunib celebrations. Tiflis leaflet. No. 193. August 27. 1909, p. 1 (in Russian)].
4. К предстоящему юбилею. *Русский с Кавказа*. № 53. 4 июля 1909 г. С. 2 [For the Upcoming Anniversary. Russian from the Caucasus. No. 53. July 4. 1909, p. 2 (in Russian)].
5. *Кавказ*. № 193. 26 августа 1909 г. С. 1. [Caucasus. No. 193. August 26. 1909a, p. 1 (in Russian)].
6. *Кавказ*. № 194. 27 августа 1909 г. С. 1. [Caucasus. No. 194. August 27. 1909b, p. 1 (in Russian)].
7. *Краткий путеводитель по кавказскому военно-историческому музею*. Тифлис: Военно-исторический отдел при штабе Кавказского военного округа, 1911 [A Short Guide to the Caucasian Military History Museum. Tiflis: Military-historical Department at the Headquarters of the Caucasian Military District, 1911 (in Russian)].
8. Кривенко В. С. Покорение Восточного Кавказа. *Русский инвалид*. № 179. 19 августа 1909а. С. 2 [Krivenko V. S. Conquest of the Eastern Caucasus. Russian invalid. No. 179. August 19, 1909a, p. 2 (in Russian)].
9. Кривенко В. С. Покорение Восточного Кавказа. *Русский инвалид*. № 180. 20 августа 1909б. С. 3 [Krivenko V. S. Conquest of the Eastern Caucasus. Russian invalid. No. 180. August 20. 1909b, p. 3 (in Russian)].

10. Лапин В. В. Армия и флот России в 1906–1916 гг. Был ли развал вооруженных сил империи в 1917 г. заложен в предреволюционные годы? *Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916*. М.: Квадрига, 2021. С. 319–348 [Lapin V. V. Russian Army and Navy in 1906–1916. Was the Collapse of the Empire's Armed Forces in 1917 Rooted in the Pre-revolutionary Years? *Russian Empire Between Reforms and Revolutions, 1906–1916*. Moscow: Kvadriga, 2021, pp. 319–348 (in Russian)].
11. Максимчик А. Н. От «дней воспоминания» на Кавказе до «празднования полувекового юбилея покорения Восточного Кавказа» на Гунибе в 1909 г. *Альбом капитана Никитина. Гуниб 1909 г.: альбом подвижного сбора и торжеств на Гунибе по случаю 50-летнего юбилея покорения Восточного Кавказа: фотография, документы, материалы. Каталог выставки*. Ростов-н/Д: АРКОЛ, 2019. С. 4–13 [Maksimchik A. N. From the “days of remembrance” in the Caucasus to the “celebration of the half-century anniversary of the conquest of the Eastern Caucasus” on Gunib in 1909. *Album of Captain Nikitin. Gunib 1909: Album of Mobile Gathering and Celebrations on Gunib on the Occasion of the 50th Anniversary of the Conquest of the Eastern Caucasus: Photography, Documents, Materials. Exhibition Catalogue*. Rostov-on-Don: ARKOL, 2019, pp. 4–13 (in Russian)].
12. Новосельский С. С. «Смута» или «Революция»? События 1905 г. в России в оценках представителей власти и консервативных течений общественной мысли. *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*. 2017. № 4–1(10). С. 98–108 [Novoselsky S. S. “Troubles” or “Revolution”? The Events of 1905 in Russia in the Assessments of Government Officials and Conservative Currents of Social Thought. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Political science. Story. International relationships*. 2017. No. 4–1(10), pp. 98–108 (in Russian)].
13. Приказ по кавказскому военному округу. 25-го августа 1909 г. – Укр. Гуниб. *Голос Кавказа*. № 893. 23 августа 1909 г. С. 1–2 [Order for the Caucasian Military District. August 25, 1909 – Gunib. *Voice of the Caucasus*. No. 893. August 23, 1909, pp. 1–2 (in Russian)].
14. Прозрителев Г. Н. *К 50-летию взятия Гуниба. Ставрополь, 1909*. [Б. м., б. г.] [Prozritelev G. N. *To the 50th Anniversary of the Capture of Gunib. Stavropol, 1909*. [No place, no publisher, no year] (in Russian)].

Информация об авторе

Бешкинская Василиса Сергеевна — младший научный сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия; vbeshkinskaya@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3292-9880>.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 17.05.2024; одобрена рецензентами 19.07.2024; принята к публикации 22.07.2024; опубликована 30.09.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Vasilisa S. Beshkinskaya — Junior Research Fellow of European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia; vbeshkinskaya@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3292-9880>.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 17.05.2024; approved after reviewing 19.07.2024; accepted for publication 22.07.2024; published 30.09.2024.

The author has read and approved the final manuscript.